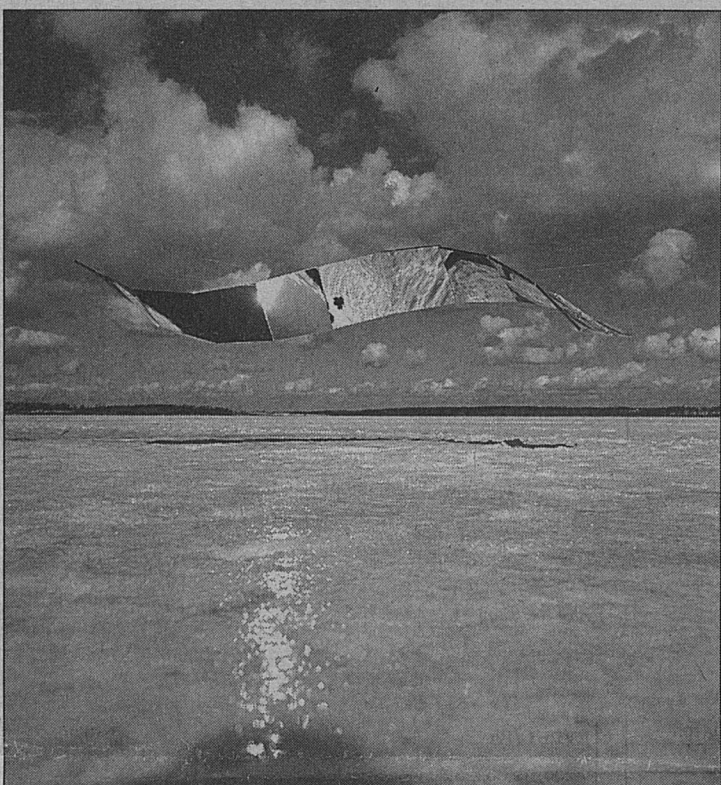

Экологически чистое искусство

Бенефис Франциско Инфанте
и Нонны Горюновой

Четыре этажа здания Московского музея современного искусства в Ермолаевском переулке сплошь заполнены фотографиями и объектами Франциско Инфанте и Нонны Горюновой. Разделить "копирайт" пары невозможно — с 1968 года жена Инфанте стала его коллегой, хотя в экспозиции есть и ранние авторские вещи будущего участника тандема, да и Госпремию в 1996-м "за разработку нового языка в искусстве" получил только муж.

Выставка, как и почти все на ней показанное, называется "Артефакты". Само слово, почерпнутое из американской научной фантастики, возникло в 1976 году как дефиниция уже внутренне оформившегося для художников ноу-хау — неких "игр на природе" (авторский ранний термин), чувственно и деликатно вторгающихся в натуру во имя ее перевоплощения, переосформления, создания артифицированной (отсюда "артефакт") копии, но лишь на миг.

На миг, поскольку Инфанте и Горюнова работают с бумажками и фольгой, веревочками и ниточками, то есть материями хрупкими по определению. Свои композиции на свежем воздухе, рифмующиеся с естественным пространством и его чуть видоизменяющие, они фотографируют — и лишь снимки- "артефакты" сохраняют для вечности эти прекрасные человеческие мгновения доморощенного русского лэнд-арта.

Они практически неопишутемы и не нуждаются в словесном оправдании. Ну цветной пунктир, вторящий горизонту, или геометрический, строгий орнамент, вторгшийся в вязь скалистого рельефа. Зеркала, в которых отражаются снег и деревья. Цветные бумажные обрезки, которые, собранные вместе на невидимых нитях, имитируют реальные небо, реку и песок. Не о чем говорить — нужно лишь смотреть. И умиляться трепетностью произведенного.

Ведь лэнд-арт — это что? Роберт

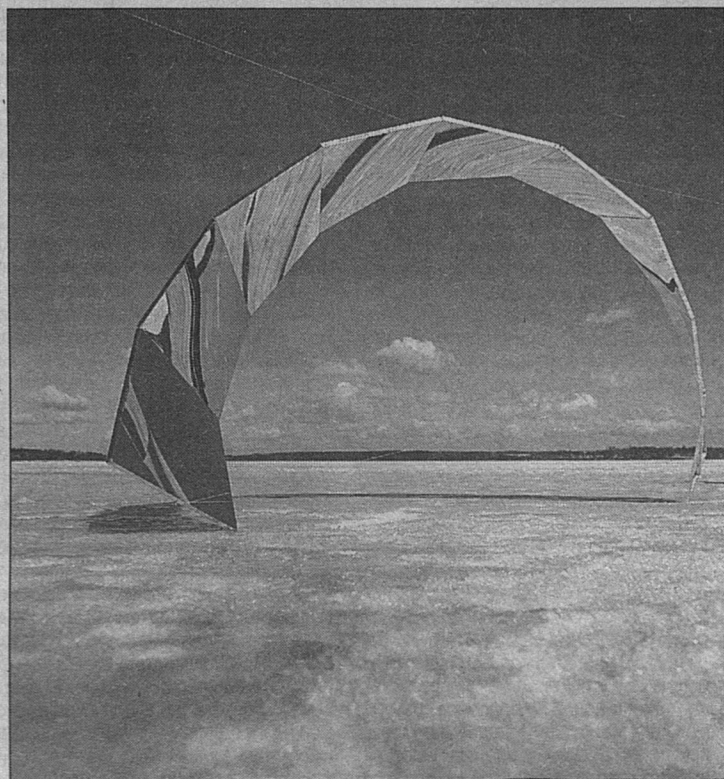
Смитсон в 1970-м создал на полтора километра спиральную дамбу. Майкл Хейзер в том же году вырыл в горе траншею длиной 1600 метров и высотой в 60. Ричард Серра периодически устраивает пыльные бури в пустыне при помощи вертолетов. И это в самом деле очень хорошие художники, о которых из номера в номер журнала "Art in America" искусствоведы сочиняли трактаты. Про Инфанте же больше всего написал поэт-минималист Всеволод Некрасов. Написал скупое, косноязычное и неброское, ибо таково само искусство героя (и его жены).

Артефакты (можно без кавычек?) Инфанте — Горюновой не претендуют на демиургическое посягательство на природный порядок вещей. И проблема не в том, что в 1970-м советскому художнику никто не позволил бы рыть гигантскую траншею. Инфанте — и Горюновой — не надо было вообще внедряться в плоть земли. Хватало фиксировать свои однодневные призрачные симулякры на фото пленку. (Фото)бумага — в отличие от природы — все стерпит. Искусство Инфанте — Горюновой — это почеркушки лэнд-арта, черновики Смитсона или Кристо (героя, обернувшего Рейхстаг блестящей фольгой). Это русское смирение, нежелание видимого для всех масштаба конкретной работы, уничтожение. Но то, которое паче гордости.

Ибо, как и сказано, четыре этажа ММСИ сплошь завешаны работами четы. Каталог неподъемен и недоступен по цене. Количество произведенных артефактов тревожит маниакальностью. Когда открыли границы, Инфанте с Горюновой ринулись в чужеземщину, и часть экспозиции можно поименовать "Вокруг света." Вот российское смирение — ни травиночки не вырву ради искусства, зато трава задрожит от моего присутствия.

Задрожит условно, конечно. Понарошку. Как артефакт.

Федор РОМЕР

Ф. Инфанте. "Очаги искривленного пространства". 1979 г.